

**ДУХОВНЫЙ КРИЗИС СУБЪЕКТНОГО «Я»
В ЛИРИКЕ С. М. ГАНДЛЕВСКОГО
(СТИХОТВОРЕНИЕ
«КОГДА ВОЛНУЕТСЯ ЖЕЛТЕЮЩЕЕ ПИВО...»)**

Александра Александровна Матигорова

студентка 4 курса кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного

Российский государственный гидрометеорологический университет,
195196, Россия, Санкт-Петербург, Малоохтинский проспект, 98
sashylia03@mail.ru

Аркадий Александрович Чевтаев

к. филол. н., доцент кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного

Российский государственный гидрометеорологический университет,
195196, Россия, Санкт-Петербург, Малоохтинский проспект, 98
achevtaev@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 06.11.2024

В статье рассматриваются ключевые аспекты переходного состояния лирического героя С. М. Гандлевского на примере стихотворения 1979 года «Когда волнуется желтеющее пиво...». Исследование посвящено малоизученному вопросу субъектности в поэтике С. М. Гандлевского. Именно в период духовного кризиса наиболее ярко проявляются инвариантные характеристики субъектного «я», позволяющие определить особенности поэтики при дальнейшем изучении творчества С. М. Гандлевского. Актуальность вопроса состоит еще и в том, что андеграундная поэзия начала осмысляться филологами не так давно, поэтому объем работ, посвященных «второй культуре», представляется недостаточным. Авторы статьи приходят к выводу о существовании конкретных инвариантных характеристик лирического субъекта, которые сохраняются и в период духовного кризиса лирического героя.

Ключевые слова: С. М. Гандлевский, андеграунд, кризис, инвариант, поэтика, субъектность.

Поэтический андеграунд как уникальное культурное явление советского периода русской литературы привлекает в последнее время привлекает серьезное исследовательское внимание. Одним из наиболее зна-

чимых творческих объединений «второй культуры» предстает «Московское время», образовавшееся в 1970-е годы, творческое ядро которого представлено поэтами А. П. Цветковым, Б. Ш. Кенжеевым, А. А. Сопровским и С. М. Гандлевским. Участник данного поэтического объединения Сергей Маркович Гандлевский (р. 1952) известен не только как поэт, но и как писатель и эссеист. При этом в его поэтической художественной идеологии проявляются как общие для «Московского времени» творческие установки, так и индивидуальные особенности лирического миропонимания.

Опыт целостного анализа и понимания лирики С. Гандлевского, предпринятый в ряде современных исследований [Скворцов 2013; Зинурова 2017; Кучина 2014; Кучина 2018; Бокарев 2013; Бокарев 2014; Киришбаум 2012], показывает, что интертекстуальность, интермедialность и метатекстуальность определяют творческое своеобразие художественного мировидения поэта. При этом специфика поэтического универсума С. Гандлевского все еще остается мало проясненной и нуждается в аналитическом осмыслении на уровне отдельных поэтических текстов.

Существующие исследования творчества поэта, как правило, игнорируют вопрос об инвариантных характеристиках художественного универсума и об особенностях самопрезентации лирического субъекта С. Гандлевского. Поэтому нам представляется значимым сосредоточить внимание на тех аспектах постулирования лирического субъекта поэта, которые одновременно и эксплицируют духовный кризис поэтического «я», и раскрывают творческий метатекст, в логике и параметрах которого сознает себя лирический субъект С. Гандлевского. Как известно, категория субъектности является основой формирования художественной действительности, поэтому этот структурно-семантический параметр нами выдвигается на первый план уяснения и осмысления поэтики С. Гандлевского. Думается, что аналитическое рассмотрение субъектного самоопределения в творческой системе поэта оказывается значимым, как для постижения поэтики С. Гандлевского, так и для уяснения магистральных творческих стратегий русского советского и постсоветского андеграунда.

Необходимо указать, что лирика С. Гандлевского крайне филологизирована. Она рассчитана на активного (со-творческого) читателя, который способен к распознаванию цитации во всей ее интертекстуальной многомерности. Соответственно, в поэтике С. Гандлевского принципиальное место занимает «чужое слово». Как отмечают исследователи, целью внедрения интертекста в стихотворения поэта является «соотнесение собственного художественного опыта с актуальной поэтической

традицией и в конечном итоге установление соответствий между ними» [Кучина, Бокарев 2014: 210]. Данное представление о сущности интертекстуальных связей поэзии С. Гандлевского и иных художественных систем продуцирует необходимость аналитического описания «цитатности» в творчестве поэта.

Прежде чем обратиться к осмыслению поэтики С. Гандлевского, укажем, что в литературном контексте 1970-х годов обнаруживается разделение поэтического самоопределения на два условных «потока»: одни поэты декларируют эстетический бунт, восходящий к практикам футуризма, а другие, напротив, стремятся к классическим формам творчества, посредством которых удастся репрезентировать интимную сферу бытийных проявлений личности.

Поэзия С. Гандлевского отличается предельным вниманием к самопрезентации лирического субъекта в моделируемом мире, которое сопрягается с отчетливой рефлексией над образом поэта и его призванием. Конечно, рассмотрение комплекса поэтических, предметных и мифопоэтических параметров является весьма масштабной и многомерной исследовательской работой.

Поэтому мы, акцентируя начальный этап, погружения в творческую систему С. Гандлевского, обращаемся к одному из его стихотворений «Когда волнуется желтеющее пиво...» (1979). Этот поэтический текст поэта является знаком переосмысления образа поэта-бунтаря, что, с одной стороны, проявляется в исчерпании собственной социальной витальности, а с другой – маркируется репрезентацией духовного кризиса лирического «я», что впоследствии отчетливо развертывается в стихотворении «Самосуд неожиданной зрелости...» (1987). Отметим, что в выбранном стихотворении лирический герой размышляет о своем творческом пути. Сначала он обращается к объектам действительности, пытаясь обнаружить в себе источник вдохновения. В его сознании начинают всплывать разного уровня цитирования литературные «учителя» (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А.А. Ахматова). Однако и в «диалоге» с предшественниками лирический герой не находит ключа к собственному творчеству. Повествование переходит в пласт метатекстуальный, где лирический субъект пытается осознать свое место в поэзии.

В стихотворении «Когда волнуется желтеющее пиво...» лирический герой эксплицирует чувство высшего единения с внешним миром: ценностный потенциал «пива» как маркер жизни «здесь и сейчас» определяет микрокосм лирического субъекта. При этом ироническая модальность самоопределения выдвигается на первый план. Лирический герой не может выразить гармонию жизни, ее движение, что могло бы про-

явиться в умении слышать, но проявляется в неспособности к вербализации. Лирическое «я» одновременно тяготит невозможность выразить происходящее, и в то же время пугает простота и приземленность естественного хода жизни: «Открытая тетрадь: слова, слова, слова. / Причин для торжества сравнительно немного. / Категоричен быт и прост, как дважды два» [Гандлевский 2008: 41]. Здесь эксплицируется мощный интертекстуальный ряд поэтической рефлексии С. Гандлевского – от «Из Пиндемонта» А. С. Пушкина до «Мне опостытели слова, слова, слова...» А. А. Тарковского. В поэзии XX в. тема несостоятельности слова становится общим местом и обретает окказиональные воплощения. Очевидно, что использование данной неточной цитаты в стихотворении С. Гандлевского характеризует его как наследника поэтической традиции. В связи с этим для лирического субъекта оторванность слова от реальности становится устоявшимся правилом, на которое он онтологически опирается. Однако неспособность слова иметь семантическое ядро переносится на собственное поэтическое наследие и возводится в абсолют.

Отметим, что одной из форм взаимодействия «я» и мира в поэтике С. Гандлевского исследователи выделяют «синкретическое единство интер- и метатекста, когда метапоэтическое целенаправленно выговаривается с помощью «чужого слова», понимаемого как средство творческой самоидентификации» [Кучина, Бокарев 2014: 209]. В связи с этим оказываются очевидными аллюзии на лермонтовское стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837) [Лермонтов 1987: 115]. Герой М. Ю. Лермонтова сливается со средой, находится в единении с природой, в то время как герой С. Гандлевского страдает от своей неспособности обрести внутреннюю гармонию, что подчеркивается ироническим настроением высказываний, выражающим насмешку по отношению как к себе, так и к окружающей действительности. При этом на фоне стихотворения М. Ю. Лермонтова С. Гандлевский намеренно снижает пафос своих высказываний, заменяя «ниву» – «пивом», а «ландыш» – «лебедой, польнью и крапивой». Подчеркнутая связь с лермонтовским стихотворением и активное использование «чужого слова» явно характеризуется как диалог с предшественником. С. Гандлевский отсылает творчеству М. Ю. Лермонтова с целью самоосознания собственной поэзии в рамках традиции уже существующей, но попытка самоидентификации онтологически «проваливается». Лирический герой способен только слышать стихотворение М. Ю. Лермонтова и иронизировать над своей немотой. Он чувствует свою неспособность «говорить», а мука от невысказанных мыслей и отчаяние усиливаются.

Лирический герой не может выполнить основную задачу поэта – выразить вербально свои впечатления от действительности.

Здесь уместно обратиться к стихотворению А. Ахматовой «Мне ни к чему одические рати» (1940) [Ахматова 2013: 126], так как «лебедя», появляющаяся в стихотворении дважды, является связывающим мотивом. Кроме того, ориентация на метатекстуальные аспекты позднего ахматовского творчества подчеркивает неоакмеистскую направленность творчества С. Гандлевского. Если у ахматовского лирического субъекта стих рождается, хотя и в процессе страданий («И стих уже звучит, задорен, нежен, / На радость вам и на мученье мне» [Ахматова 2013: 126]), то у С. Гандлевского лирический герой осуществить явление поэзии оказывается не в состоянии: «Я снова позабыл, что я хотел сказать» [Гандлевский 2008: 41]. При этом растительный мотив, присутствующий и у С. Гандлевского и у А. Ахматовой, позволяет сопоставить явленных в этих стихах лирических героев. Очевидно, что лирический субъект С. Гандлевского не в состоянии преодолеть мучительный «рост» собственного «я» и достичь уровня поэтического признания. Поэтому акт называния действительности у него проваливается, сопровождаясь, более мучительной градацией, чем у А. Ахматовой. Он буквально весь зарос «сором», но стих так и не смог «зазвучать». Все же С. Гандлевский – поэт конца XX века, и онтологический скепсис прорывается в его лирическом «я».

При этом необходимо отметить фонетические особенности слов, помещенных в одну строку: «беде», «обиде», «лебедя». Они отличаются только некоторыми изменениями фонем, в то время как семантически представленные понятия никак не связаны. Появляется потребность назвать, облечь идею в слова. Это является важным аспектом поэтики, свойственной андеграунду: размышление о слове, попытке «опредметить» слово, вернуть ему первоначальную функцию и объективировать его. Так, подчеркивается ограниченность поэта в способе выражения своих мыслей. В результате очевидно мучительного для лирического героя С. Гандлевского духовного кризиса он все больше убеждается в собственной немоте.

Укажем, что в поэзии С. Гандлевского особое значение приобретает бытовая деталь. Быт в универсуме поэта прежде всего выполняет эстетическую функцию. Это не способ указать на социальные особенности художественного пространства, а способ вписать «я» в него. На первый взгляд, быстрая смена образов и персонажей, которые воссоздаются с помощью активного использования бытового, а также – «чужого слова», создает впечатление активного перехода от монолога к диалогу.

Однако пространство стиха лишено диалога, а внутренний монолог становится исчерпанным. Поэтому лирический герой начинает беседу с оживленными его сознанием объектами окружающей действительности. Он обращается к Музе, к гадюке, но никто ему не отвечает, даже диалог с предшественниками происходит не на равных, отчего онтологический статус личности начинает выглядеть пугающе заброшенным.

Кульминационной точкой стихотворения становится внедрение в художественный мир двойника – «другого». Таким образом, в очередной раз подчеркивается похожесть лирического героя, которого легко заменить «другим». «Другой» не просто присутствует, а обозначается в самом стихотворении как отдельный лирический субъект: «Уже не я – другой – взойдет на седловину...» [Гандлевский 2008: 41], при чем казнь, которая произойдет – не что иное, как уничтожение лирического «я». Убийство лирического субъекта происходит, так как элегическое «я» всегда направленно внутрь, а взгляд лирического субъекта в прошлое. Возможность увидеть будущее представляется экзистенциальной бездной, появляется оттенок провиденциальности. В связи с этим возникает казнь «я», которая представляется в рамках будущего времени, сопряженного с модальностью условности. Кроме того, невыносимость собственной несостоятельности и в мире, лишенном диалога, и в поэтическом призвании ведут к самоуничтожению «я». Духовный кризис лирического героя приводит к невозможности писать: «Я снова позабыл, что я хотел сказать» [Гандлевский 2008: 41].

В более поздних текстах лирический герой С. Гандлевского пройдет этот духовный кризис, однако именно в таких «переходных» стихотворениях наиболее ярко обозначен момент становления художественной идеологии поэта.

Таким образом, нами были выделены основные особенности поэтики и проблематики художественного мира С. Гандлевского, которые потом будут предметом рефлексии лирического субъекта, основными элементами более сложного художественного пространства поздних произведений поэта. Очевидно, что С. Гандлевский предстает своеобразным «интертекстуальным» мифотворцем конца XX в. и его поэзия диалогически (и онтологически) концентрирует в себе ценности и смыслы русской поэзии XIX–XX веков.

Список литературы

Ахматова А. А. Первый Бег времени. Реконструкция замысла. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. 320 с.

Бокарев А. С. С. Гандлевский и А. Тарковский: автометаописательные мотивы лирики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 115—119.

Гандлевский С. М. Опыты в стихах: сборник. М.: «Захаров», 2008. 160 с.

Зинурова Е. С. Интертекстуальность в современной русской поэзии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 256—266.

Киришаум Г. Охотники на снегу: Элегическая поэтология Сергея Гандлевского // Новое литературное обозрение. 2012. № 118. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/ohotniki-na-snegu-elegicheskaya-poetologiya-sergeya-gandlevskogo.html> (дата обращения: 30.10.2024).

Кучина Т. Г. Мотивы лирики М. Ю. Лермонтова в русской поэзии рубежа XX—XXI вв. // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т.1. Гуманитарные науки. № 2. С.199—202.

Кучина Т. Г. Муза безмолвия: мотивы молчания и немоты в метапоэтике С. Гандлевского и Л. Лосева // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 131—135.

Кучина Т. Г., Бокарев А. С. Функции «чужого слова» в метапоэтике Сергея Гандлевского // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т.1. Гуманитарные науки. № 2. С. 208—212.

Лермонтов М. Ю. Избранные сочинения // Ред. кол.: Беленький Г., Николаев П. и др.; Сост., вступ. статья и примеч. В. Коровина. М.: Худож. лит., 1987. 623 с.

Скворцов А. Э. Самосуд неожиданной зрелости. Творчество Сергея Гандлевского в контексте русской поэтической традиции. М: ОГИ, 2013. 222 с.

**THE SPIRITUAL CRISIS OF THE SUBJECTIVE «I»
IN THE LYRICS OF S. M. GANDLEVSKY
(ON THE EXAMPLE OF THE POEM
«WHEN THE YELLOWING BEER IS WORRIED...», 1979)**

Alexandra A. Matigorova

4th Year Student of the Department of Russian Philology and Russian as a Foreign Language

Russian State Hydrometeorological University,
195196, Russia, St. Petersburg, Malookhtinsky Prospekt, 98
sashylia03@mail.ru

Arkady A. Chevtaev

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Philology and Russian as a Foreign Language,

Russian State Hydrometeorological University,
195196, Russia, St. Petersburg, Malookhtinsky Prospekt, 98

achevtaev@yandex.ru

Submitted 06.11.2024

The article examines the key aspects of S.M. Gandlevsky's lyric character in a transitional state, using the example of his poem "When the yellowing beer is worrying..." from 1979. The research focuses on an under-researched aspect of S. M. Gandlevsky's poetics, namely subjectivity. During times of spiritual crisis, the invariant characteristics of the 'I' become more clearly revealed, allowing us to identify features of his poetic style for future study. This issue is significant because underground poetry has only recently been studied by philologists and there is a lack of research on this "second culture". The authors conclude that even during times of turmoil, there are invariant characteristics to the lyric subject.

Key words: S. M. Gandlevsky, underground, crisis, invariant, poetics, subjectivity.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Матигорова А. А., Чевтаев А. А. Духовный кризис субъектного «я» в лирике С. А. Гандлевского (стихотворение «Когда волнуется желтеющее пиво...») // Мировая литература в контексте культуры. 2024. № 19 (25). С. 34–41. doi 10.17072/2304-909X-2024-19-34-41

Please cite this article in English as:

*Matigorova A. A., Chevtaev A. A. Duhovnyj krizis sub"ektnogo «ya» v lirike S. A. Gandlevskogo (stihotvorenije «Kogda volnuetsya zhelteyushchee pivo...») [The Spiritual Crisis of the Subjective "I" in the Lyrics of S. M. Gandlevsky (on the Example of the Poem *When the Yellow Beer is Worried...*, 1979)]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2024, issue 19 (25), pp. 34–41. doi 10.17072/2304-909X-2024-19-34-41*